

игумен Марк (Лозинский)

Святитель Игнатий (Брянчанинов) игумен Марк (Лозинский)

1

Осенью 1827 года, наконец, пришло долгожданное освобождение от военной службы, когда Динабургскую крепость посетил великий князь Михаил Павлович. Убедившись в неизлечимости недугов офицера Брянчанинова, великий князь принял его просьбу. 6 ноября 1827 года последовал «Высочайший приказ об отставке Дмитрия Александровича Брянчанинова»². Как птица, выпущенная из клетки, устремился Дмитрий Александрович, сняв с себя офицерскую форму и заменив ее одеждой простолюдина, к своему старцу о. Леониду (впоследствии известному Оптинскому старцу), который в это время подвизался в Александро-Свирском монастыре, Олонецкой губернии.

Уход Брянчанинова в монастырь очень быстро стал известен во всех кругах общества в Петербурге. Многие не могли понять, как молодой, красивый офицер, со светским образованием, с большими связями, пользовавшийся покровительством самого императора, офицер, который со временем мог стать видным сановником при дворе или, по крайней мере, губернатором одного из городов России, вдруг бросает всё и становится простым послушником в малоизвестном монастыре...

Промыслом Божиим было устроено так, что Дмитрий Александрович перед принятием пострига должен был пройти долгий путь скитания по русским монастырям. Это плохо отразилось на здоровье Брянчанинова, зато будущий святитель смог сам практически ознакомиться с жизнью монастырей, увидеть то, что простому посетителю могло быть и неприметно. Не только внешний образ жизни насельников обители, ее устав и богослужение, но и внутренний дух постепенно постигались юным искателем истинного монашества. За год, прожитый в восьми монастырях, послушник Дмитрий возрос в духовном отношении в мужа совершенна, способного и других наставить на путь спасения.

Можно с уверенностью сказать, основываясь на высказываниях владыки Игнатия о монашестве его времени, что те высокие идеалы монашества, которые искал он, так и не были обретены им. Не найдя в других желанного, он не отчаялся и, имея перед своими глазами

бесконечно высокий идеал в лице Христа Спасителя, стремился подражать Ему, руководствуясь творениями святых отцов.

Глубоко назидательна была жизнь послушника Дмитрия. Соединяя телесные труды с умным деланием, он скоро достиг значительного преуспеяния в духовной жизни.

В Александро-Свирском монастыре после работы на поварне послушник Дмитрий был переведен в трапезную. Здесь за его истинное смирение Господь сподобил его ощутить в своем сердце особое «молитвенное действие». Однажды, когда он ставил блюдо с пищей на последний стол, за которым сидели послушники, мысленно произнес слова: «Приимите от меня, рабы Божии, это убогое служение». В этот момент почувствовал он необыкновенное молитвенное действие, от которого даже пошатнулся. «В грудь его запало сладостное утешение» и не оставляло его более двадцати дней³. Следующий случай свидетельствует о высокой духовности, носителем которой был послушник Дмитрий уже в первые годы пребывания в обители. Однажды ему пришлось читать в трапезной поучение из творений святителя Димитрия Ростовского. Чтение послушника Дмитрия было так «усладительно и духовно сильно», что вся братия обители забыла о пище и с умилением внимала чтению, при этом многие плакали⁴.

Видя смирение и самоотвержение нового послушника, братия возлюбила его, отдавая ему предпочтение перед другими послушниками. Это, конечно, тяготило Дмитрия, всей душой стремившегося быть незамеченным и избегавшего земной славы. Живя в обители, он тщательно скрывал своё происхождение и образование и был рад, когда его принимали за недоучившегося семинариста⁵.

Через год Дмитрий Брянчанинов из Александро-Свирского монастыря перешел в Площанскую пустынь. Там он сблизился с известным учеником о. Леонида иеромонахом Макарием (Ивановым), также известным впоследствии Оптинским старцем. В его лице он нашел человека, сочувствовавшего его стремлениям. До конца жизни о. Макария Брянчанинов поддерживал с ним связь⁶. Но мирная жизнь его в Площанской пустыни продолжалась недолго. Гонение, воздвигнутое на старца Леонида, распространилось и на его учеников. Иеромонах Леонид, а за ним и его ученики переселились в Оптину пустынь. О кратковременном пребывании Брянчанинова и его друга Чихачёва в летописи скита Оптиной пустыни сохранилась следующая запись: «В сем же 1829 году два инженерных офицера, ученики отца Леонида, Дмитрий Александрович Брянчанинов и Михаил Васильевич Чихачёв поступили в

скит и, проживши несколько времени, отправились в Вологодскую, а после – в Никандрову пустынь⁷.

По приезде в Вологодскую губернию друзьям пришлось на зиму остановиться в доме Брянчанинова. Дмитрий, находясь в родительском доме, «сохранил характер самостоятельного, непреклонного стремления своего» и предпочитал любовь к Богу любви родительской, оказывая, однако, должное уважение к ним. Он неуклонно шел путем евангельских заповедей, что не совсем отвечало настроению его родителей⁸.

Покинув ранней весной 1830 года родительский дом, послушник Дмитрий, с благословения Вологодского епископа Стефана, нес послушание последовательно в нескольких обителях Вологодской епархии. 28 июня 1831 года Преосвященный Стефан совершил пострижение послушника Дмитрия, богоносца от юности, в монашество с наречением его Игнатием, в честь священномученика Игнатия Богоносца. Вскоре (4 июля) монах Игнатий был посвящен в том же соборе во иеродиакона, а 25 июля – во иеромонаха.

Свои переживания во время пострижения и посвящения в священный сан описал иеромонах Игнатий в письме к другу Павлу Петровичу Яковлеву: «Свершилось! – писал он. – Я пострижен и посвящен во иеромонаха. Когда меня постригали, казалось мне, что я умер; когда посветили, казалось – воскрес. Живу какою-то новой жизнью; весьма спокоен; не тревожит меня никакое желание; во время каждой обедни ощущаю, что достиг конца желаний, ощущаю, что получил более, нежели сколько бы мне пожелать. Не хочу описывать вам наружных обстоятельств, сопровождавших мое пострижение и посвящение, предполагаю, другие расскажут. Сказываю вам о себе то, чего другие о мне знать и сказать не могут: я счастлив!»⁹.

В январе 1832 года иеромонах Игнатий был назначен настоятелем Пельшанского Лопотова монастыря. С этим назначением начался новый период в его жизни. Двадцатипятилетний иеромонах, стяжавший к этому времени уже богатый духовный опыт, становится руководителем других людей. О двухлетнем пребывании иеромонаха (с 28 января 1833 года игумена) Игнатия в Лопотовом монастыре первые биографы епископа Игнатия сохранили мало сведений. Письма о. Игнатия П. П. Яковлеву, написанные в этот период, рассказывают о его деятельности в этой обители. Иеромонах Игнатий писал: «Приехав в монастырь, нашел все в большом расстройстве; похоронил покойного строителя, моего предместника, приложив для сей церемонии несколько из своего кошелька... начал помаленьку собираться с силами и строить келии и

трапезу, ибо сии постройки состояли почти из одних развалин. Теперь живу в маленьком флигеле, мною выстроенном... Пособралось несколько и братии»¹⁰.

За короткий срок число братии увеличилось до 30 человек. В основном это были послушники тех монастырей, в которых ранее жил Брянчанинов. Свое отношение к братии вверенной ему обители иеромонах Игнатий выразил в одном из писем П. П. Яковлеву. – «Братия у меня, – писал он, – Божиею милостью, крайне смиренная; а я стараюсь с ними быть как можно милосерднее и помнить оное евангельское слово: Сын Человеческий не прииде да послужат ему, но послужити»¹¹. Были, конечно, и трудности (зависть недоброжелателей, отсутствие средств, плохие жилищные условия и т. д.), но он, уповая на милость Божию, переносил все терпеливо.

Юноша Петр Мясников, впоследствии архимандрит Пимен, настоятель Угрешского монастыря, посетил отца Игнатия в 1832 году. Его прежде всего поразила убогая обстановка, в которой жил сам строитель. «Посетив его в Лопотовом монастыре на первой неделе великого поста, я, – писал впоследствии архимандрит Пимен, – застал его живущим в... сторожке, она была по одну сторону святых ворот... Вошед к о. Игнатию, я нашел его сидящим у большого стола... пред ним лежали простые черные сухари и какое-то начатое стихотворение, которое он вероятно писал во время чая, чтоб и это время не пропадало даром, келия была не просторна и стены от времени совершенно потемнели»¹².

Уединенность Лопотова монастыря весьма соответствовала настроению отца Игнатия, и он был преисполнен духовной радости. «...Наш монастырь каким-то скитиком представляется, на манер южных пустынь, – писал он. – Тихо! Безмолвно! Бесхитростно! Любовно! Радостно!.. Не чаем и не отчаиваемся! Блажен, кто может сказать: течем да постигнем. С нами Бог! Разумейте, покоряйтесь, языцы!..»¹³.

Слух о духовной мудрости лопотовского настоятеля распространился по всему Вологодскому краю. Многие монастыри мечтали иметь его у себя начальником. Сам игумен Игнатий с удивлением писал об этом: «Здесь имею я довольно странную судьбу: Семигородная братия ждет меня в Семигородную; Тотемская – в Тотьму; Корниловская – в Корнильев и проч...»¹⁴. Но ни одной из этих обителей не суждено было видеть у себя настоятелем отца Игнатия.

О молодом талантливом настоятеле скоро узнали в Петербурге. В конце 1833 года он был вызван в столицу, а 5 января 1834 года возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Троице-Сергиевой пустыни,

близ Петербурга.

Много трудов было положено архимандритом Игнатием для перевоспитания прежней братии обители. Здесь он проявил редкое терпение и снисходительность к человеческим слабостям. В Курнатовская в своих воспоминаниях пишет, что при о. Игнатии в Сергиевой пустыни «внутренняя дисциплина была очень высоко поставлена. Архимандрит Игнатий умел силой нравственного убеждения и авторитета перевоспитывать виновных иноков, наставлять их на покаяние и приводить их к Богу»¹⁵.

В «Историко-статистическом описании Свято-Троицкой первоклассной Сергиевой пустыни...» (за 1868 год) говорится: «Архимандрит Игнатий понимал, что в монастыре прежде всего должно быть на высоком уровне богослужение»¹⁶. Множество людей всех рангов посещало архимандрита Игнатия в Сергиевой пустыни, и для каждого у него находились слова назидания. Его беседы на духовные темы были исполнены великой мудрости, которую он почерпал из Священного Писания, творений святых отцов и личного духовного опыта. В беседах на душеспасительные темы о. Игнатий находил общий язык как с простыми людьми, так и с особами высшего света. С первыми ему помогали его природная простота и непосредственность, со вторыми – блестящее светское образование, тактичность и тонкое знание психологии. С кем бы ни встречался о. Игнатий, в его беседе никогда не было личного расчета. Он не заботился о том, какое впечатление он сам произведет на посетителя. Лишь желание дать посетителю пользу для его души руководило словами и поступками о. настоятеля, и поэтому был он всегда правдив, невзирая на то, что это могло принести ему многие неприятности. Неизвестный биограф сообщает следующий случай из жизни епископа Игнатия, который в прежние времена, конечно, не мог быть опубликован. Однажды в Сергиеву пустынь приехала фрейлина царского двора известная красавица Нелидова. Она поведала настоятелю, что император за последнее время уделяет ей особое внимание... Архимандрит Игнатий со свойственной ему прямоотой сказал, что грех всегда остается грехом и что, чем выше лицо, с которым может быть совершен грех, тем больше ответственность и наказание за него. Фрейлина уехала из обители весьма недовольная ее настоятелем¹⁷.

Но многочисленность посетителей очень тяготила архимандрита Игнатия. В одном из писем к своей сестре Елизавете Александровне он сообщал: «Здесь живу очень рассеянно; с раннего утра до позднего вечера утомительные посетители, наиболее из знати, с которыми вести себя надо

очень принужденно и скрытно. Таким образом прошло все лето в пустых занятиях; на занятия основательные не имел нисколько времени»¹⁸.

Улучшение материального благосостояния обители позволило о. Игнатию в 1839 году открыть в Троице-Сергиевой пустыни начальную школу для детей штатных служащих и окрестных поселян. Он сам постоянно наблюдал за преподаванием в ней богословских и светских наук¹⁹. Своей неутомимой деятельностью в Сергиевой пустыни архимандрит Игнатий показал себя опытным и энергичным администратором и в то же время мудрым и добрым старцем-руководителем. Он поднял Сергиеву пустынь буквально из руин и возвел до степени первоклассного монастыря.

Естественно, что возвышение архимандрита Игнатия, его успехи и быстро распространявшаяся известность возбудили в завистливых людях чувство вражды и ненависти. Недоброжелатели архимандрита Игнатия неоднократно пытались перевести его в какой-либо монастырь в одну из отдаленных епархий. Было время, когда архимандрита Игнатия хотели «сослать» в Соловецкий монастырь. В Синоде уже был поднят вопрос об этом, но решительно вмешался Псковский архиепископ Гедеон. Протестуя против этого перемещения, он сказал: «Мы хотим похвалу и украшение нашего монашества сослать по каким-то темным изветам и подобно Синедриону приговорить праведника к казни за то, что он по отношению к нам действует не согласно с нашими понятиями, не ждет нас по несколько часов в прихожей, когда не застанет дома, и делает тому подобные оскорбления нашему понятию о нашем достоинстве, понятию, которое не сходится с его понятием о его обязанностях относительно нас»²⁰. Члены Синода, обличенные этими словами Псковского Владыки, оставили архимандрита Игнатия на месте, хотя сам архимандрит Игнатий настолько тяготился суетной жизнью близ Петербурга, что готов был уехать даже в Соловки. В 1847 году он как-то рассказывал об этом своему брату Петру Александровичу: «Думали меня наказать, а я думаю сделали бы они великое благодеяние мне, которому петербургские зимние ночи были коротки для молитвенных бдений»²¹.

Болезни, непрестанные притеснения начальства, а также тайное желание всецело отдаться в уединении подвижнической жизни побуждали архимандрита Игнатия в 1847 году просить об увольнении от должности настоятеля. Однако просимого о. Игнатий не получил и ему предоставили лишь длительный отпуск для лечения. Местом лечения архимандрит Игнатий избрал уединенный Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии, в который он направился через Новгород и Москву. В Москве о.

Игнатий посетил несколько монастырей, а также совершил поездки, по благословию Московского Владыки, в Николо-Угрешскую, Спасо-Бородинскую обители и в Троице-Сергиеву Лавру.

В Спасо-Бородинский монастырь архимандрит Игнатий был приглашен основательницей этой обители игуменией Марией (Тучковой). По ее просьбе о. Игнатий вечером имел беседу с инокинями этого монастыря о монашестве как о пути к христианскому совершенству и ко спасению вечному²².

В Троице-Сергиевой Лавре архимандрита Игнатия принимал известный наместник обители архимандрит Антоний, извещенный о приезде гостя митрополитом. В Лавре и академии гость произвел на всех своею кротостью и предупредительной вежливостью самое благоприятное впечатление. Говорил он мало и очень лаконично. Все были удивлены тем, что это был первый гость из Петербурга, который не привез с собой столичных сплетен. О днях пребывания архимандрита Игнатия в Лавре сохранились очень интересные воспоминания архиепископа Леонида (Краснопевкова), бывшего в то время еще иеромонахом. В них архиепископ Леонид сообщает: когда архимандрит Игнатий осматривал академическую библиотеку в сопровождении профессора-протоиерея Александра Горского, он произвел на последнего самое приятное впечатление тем, что говорил очень мало. Даже и тогда, когда было совершенно очевидно, что всё преимущество в знании на его стороне, и тогда он умел, чтобы не оскорблять чужого самолюбия, дать заметить, что это знание очень обыкновенное. Когда вопрос зашел об аскетической литературе, то явно было видно, что о. Игнатий имеет не просто обширную начитанность, но и глубокое понимание и основательную ученость в этой области²³.

По приезде в Николо-Бабаевский монастырь им было написано много духовно назидательных писем и начата книга «Последование Христу»²⁴. О возвращении же в Петербург он с полной откровенностью пишет: «Из Петербурга пишут мне и зовут скорее приезжать, т. е. по истечении 6-месячного срока; но я вижу, что необходимо пробыть здесь всю зиму. Возвращение в Петербург представляется мне отвратительнейшею микстурою. За счастье бы счел, если б Господь даровал окончить жизнь где-нибудь в смиренной доле, между елей и сосен – не отказываюсь от дубов и прочих деревьев, внимая своему и спасению тех ближних моих, которые со мною в любви ради Бога»²⁵. В одном из писем к сестре, Елизавете Александровне, любитель уединения прямо высказывает желание уехать в место, еще более уединенное, чем Николо-Бабаевский

монастырь²⁶. Но этому желанию не суждено было исполниться. Повинуясь воле своего начальства, он 31 мая 1848 года, к радости братии и духовных чад, вернулся в Сергиеву пустынь.

Здоровье о. Игнатия за время отпуска улучшилось, но не настолько, чтобы он мог сразу же по приезде начать служить в храме и принимать всех желающих. Недоброжелатели о. Игнатия воспользовались этим и стали клеветать на него, обвиняя в лености и бездеятельности. По поводу этого архимандрит Игнатий писал сестре: «бесчестий испил я полную чашу по приезде сюда: многие, в числе их давние мои знакомые, требовали, чтоб по приезде моем я начал немедленно служить, принимать всех, а со мною сделались необыкновенные пароксизмы, при которых испарина лила рекою и я был в состоянии только лежать. Злоба была так сильна, что постарались обвинить меня пред высочайшею фамилиею...»²⁷. Но, тем не менее, приток богомольцев в обитель все возрастал. К архимандриту Игнатию обращались с различными просьбами обитатели царских дворцов и скромные богомольцы. Те, кто не могли сами посетить Сергиеву пустынь, присылали ему письма. Архимандрит Игнатий переписывался с известным художником К. П. Брюлловым²⁸; путешественником А. Норовым²⁹, композиторами М. И. Глинкой³⁰ и А. Ф. Львовым³¹. Адмирал Нахимов, герой Крымской войны, с благоговением принял икону святителя Митрофана Воронежского, присланную ему в Севастополь архимандритом Игнатием, и ответил ему письмом, полным благодарности и чувств христианского смирения³². С большим уважением отзывался об архимандрите Игнатии и Н. В. Гоголь³³.

Летом 1856 года, с 16 мая по 1 июня, архимандрит Игнатий опять брал отпуск для восстановления своего слабого здоровья. На этот раз о. Игнатий поехал не в Николо-Бабаевский монастырь, а в Оптину пустынь, пользовавшуюся в то время всеобщей известностью. Архимандрит Игнатий давно мечтал об Оптиной пустыни, как месте своего уединения. Еще в 1847 году он письменно просил иеромонаха Оптиной пустыни о. Макария приготовить для него и его спутников (Михаила Чихачёва и о. Иоанна – своего келейника) жилище в скиту, выражая этим своё намерение переселиться туда навсегда.

Прибытие в Оптину пустынь известного сергиевского архимандрита (26 мая 1856 года) было отмечено в летописи скита: «Во время благовеста к вечерне прибыл в обитель архимандрит Троицко-Сергиевой, что близ Стрельни, пустыни, о. Игнатий Брянчанинов. Он намеревается погостить в обители до 20 июня и пользоваться минеральною водою из Пафнутиева колодца, которую доктор его признал полезною».

Чтобы практически осуществить свое переселение в скит, архимандрит Игнатий ездил к Преосвященному Григорию, епископу Калужскому, намереваясь испросить у него благословения на постройку для себя в скиту келий. Неизвестно, по какой причине, но, как замечает скитский летописец, «...в Калуге преосвященный Григорий просьбу о. архимандрита Игнатия принял холодно и с возражениями»³⁴.

Покорный воле Божией о. Игнатий вернулся в Сергиеву пустынь, оставив в своем сердце на всю жизнь самые светлые воспоминания об Оптиной пустыни и ее старцах. В Сергиевой пустыни архимандрит Игнатий ревностно продолжал трудиться по ее внутреннему и внешнему благоустройству. Здесь о. Игнатий воспитал целое поколение истинных монахов. Многих из них он возвел на степень мужей совершенных, испытанных в духовных бранях и закаленных в монашеских подвигах. И, что самое главное, он сумел привить инокам Сергиевой обители свой образ мыслей и передал им свою ревность о славе Божией и спасении своих ближних. Благодарная память об архимандрите Игнатии хранилась его обителью долгие годы.

Изменения в жизни архимандрита Игнатия произошли совершенно неожиданно.

В 1856 году скончался С.-Петербургский митрополит Никанор. На его место был назначен митрополит Григорий. Новый Владыка сам был с 1822 по 1825 год настоятелем Сергиевой пустыни. Он хорошо знал архимандрита Игнатия и весьма доброжелательно относился к нему. Ценя прекрасные душевные качества архимандрита Игнатия и его административно-хозяйственные способности, видя Сергиеву пустынь совершенно преображенной, митрополит Григорий справедливо решил, что в святительском сане архимандрит Игнатий принесет еще большую пользу Святой Церкви³⁵.

В хиротонии архимандрита Игнатия во епископа Кавказского и Черноморского принимали участие митрополит С.-Петербургский Григорий (Постников), архиепископ Казанский Афанасий, архиепископ Ярославский Нил, архиепископ Камчатский Иннокентий, епископ Ревельский Агафангел, епископ Тверской Филофей и епископ Мелитопольский Кирилл³⁶.

Три с половиной года пробыл епископ Игнатий на Кавказской епархии. Но эти годы были для него временем не менее плодотворных, хотя и утомительных трудов, как и в период управления Сергиевой пустыней. Он неустанно насаждал среди своих пасомых благочестие, улучшил совершение богослужения, поднял образование в семинарии,

заботился о повышении нравственного уровня как пастырей, так и пасомых; далее он улучшил административное управление епархии, нашел способы к обеспечению ее материальных нужд.

24 июля 1861 года епископ Игнатий подал в Святейший Синод рапорт с просьбой уволить его на покой. Вскоре просьба его была удовлетворена.

Уход епископа Игнатия с кафедры для всех явился неожиданностью. Митрополит Московский Филарет, вопреки мнениям многих, осуждавших епископа Игнатия за его решение, правильно понял истинную причину. В одном из писем архиепископу Тверскому Алексию он писал: «Преосвященный Игнатий неожиданно исторгнул себя из службы. Иные говорят, что это на время, до открытия высшей кафедры. А мне кажется, счастлив, кто мог законно устраниваться от трудностей времени, дабы внимать Богу и своей душе»³⁷.

Через несколько лет после своего ухода на покой епископ Игнатий в письме епископу Тамбовскому Феофану (Говорову), пожелавшему также оставить кафедру, писал: «Если Промысл Божий поставил Вас на свещнике, – зачем сходить с него без призвания Божия? Может быть, во свое время откроется это призвание! Может быть, все обстоятельства единогласно выразят его! Тогда оставьте мирно кафедру вашу; тогда уйдете мирно в келию – преддверие вечности»³⁸.

Путь, избранный Преосвященным Игнатием, характерен для многих выдающихся святителей Русской Церкви. Святитель Тихон Задонский, оставив кафедру, удалился на покой в Задонский монастырь. Первый епископ Кавказской епархии Преосвященный Иеремия закончил свою жизнь в затворе в одной из обителей Нижегородской губернии. И сам Преосвященный Феофан (Говоров) также, пробыв всего лишь четыре года на кафедре, удалился на покой в Вышенскую обитель. Но, удалившись на покой, эти святители не переставали заботиться о благе ближних. Одни из них становились неустанными молитвенниками за все человечество, другие продолжали светить миру из затвора своими бессмертными произведениями. Преосвященный епископ Игнатий принадлежит к тем и другим одновременно.

В Николо-Бабаевский монастырь епископ Игнатий приехал 13 октября 1861 года. Его он нашел в весьма плачевном положении. В монастыре было всего 67 рублей денег и две тысячи долгу, полное отсутствие хлеба, дров, сена. Многие монастырские здания обветшали, настоятельский и братский корпуса грозили разрушиться. Тесный соборный храм во многих местах дал трещины, и поэтому богослужение в нем совершалось лишь в центральной части, в пяти боковых приделах

богослужение было запрещено совершать. Положение обители было «поистине критическое»³⁹. И хотя физические силы Владыки Игнатия были весьма слабы, дух его был бодр. И он со свойственной ему энергией принялся за возрождение вверенной его управлению обители. «Нужна была крепкая вера в возможность исправления и улучшения всего; нужна была сильная воля, чтобы при полном отсутствии средств взяться за переустройство и создание. Но вера в Промысл Божий никогда не покидала Преосвященного, а опытность и энергия составляли отличительные его качества»⁴⁰.

С мудрой осторожностью принялся Владыка Игнатий за возрождение Бабаевской обители. Предстояло сделать очень и очень многое. Постепенно был введен новый, более строгий и благолепный чин богослужения и изменен порядок келейного жительства братии. Несмотря на бедность Николо-Бабаевского монастыря и на слабость своих физических сил, архипастырь-труженик начал в 1864 году строительство нового соборного храма в честь Иверской иконы Божией Матери. Строительство шло сравнительно быстро. К 1867 году храм вчерне уже был закончен. В 1866 году епископ Игнатий писал сестре Елизавете Александровне: «...живем тихо, вдали от мира, при самых малых сношениях с миром, как бы в отдельной области. Строение церкви идет успешно. Очевидно, она строится по особенному Промыслу Божию, под особенным покровительством Промысла Божия. Здание благолепное»⁴¹.

По свидетельству очевидцев, Иверский храм – предсмертный памятник епископа Игнатия – был великолепен. Он составлял красу не только монастыря, но и всего края. Интересен купол его, увенчанный короной с архиерейской митрой. С наружной стороны на центральном куполе по окружности со временем было написано двенадцать наиболее чтимых изображений Божией Матери. По карнизу барабана славянскими буквами было начертано: «Достойно есть, яко воистину, блажити Тя Богородицу...» Сам Владыка не дожид до освящения храма⁴².

В Николо-Бабаевском монастыре все свободное время, остававшееся после молитвенного правила и занятий хозяйственными делами, Владыка уделял пересмотру своих сочинений и написанию новых. Свои труды он сам подготовил к печати.

Множество назидательных писем было написано им в этот период⁴³. Его постоянная болезненность всегда напоминала ему о смертном часе. Можно с полной уверенностью сказать, что память смертную епископ Игнатий имел в течение всей своей сознательной жизни. Один из почитателей Владыки Игнатия писал о нем, что в Бабаевской обители эта

«мысль о близкой кончине сделалась его постоянной мыслью, о чем нередко говорил он близким к нему людям»⁴⁴.

Скончался епископ Игнатий в воскресный день 30 апреля 1867 года, в Неделю жен-мироносиц. Отпевание усопшего было особенным. Оно, скорее, походило на какое-то торжество, чем на погребение. Невольно вспоминались слова усопшего: «Можно узнать, что почивший под милостью Божию, если при погребении тела его печаль окружающих растворена какою-то непостижимой отрадою».

Иеромонах Марк (Лозинский), доцент МДА

Примечания

- ¹ - Окончание. Начало см. «ЖМП», 1968, № 11, с. 78–79.
- ² - Указ об увольнении был подписан лишь 24 января 1828 года.
- ³ - ГПБ, ф. 1000, 1924, 171, лл. 31 об. и 32. Этот случай епископ Игнатий приводит в «Аскетических опытах» (т. 1, с. 279), приписав его другому лицу.
- ⁴ - ГПБ, ф. 1000, 1924, 171, л. 32–32 об.
- ⁵ - ГПБ, ф. 1000, 1924, 171, л. 32–32 об.
- ⁶ - ГПБ, ф. 1000, л. 38 об. Сохранились три письма архимандрита Игнатия к отцу Макарию и пять писем о. Макария к Сергиевскому настоятелю (ГБЛ, ф. 425, картон 1).
- ⁷ - Летопись скита Оптиной пустыни за 1822–1851 гг. ГБЛ, ф. 214, № 360, с. 20. (Летописец, очевидно, по слухам написал эти строки и потому допустил неточность. В Никандрову пустынь направился один М. Чихачёв.)
- ⁸ - ГПБ, ф. 1000, 1924, 171, л. 46.
- ⁹ - ГБЛ, ф. 425, картон 1. «Письма к П. П. Яковлеву».
- ¹⁰ - ГБЛ, ф. 425, картон 1. «Письма к П. П. Яковлеву».
- ¹¹ - ГБЛ, ф. 425, картон 1. «Письма к П. П. Яковлеву».
- ¹² - ГПБ, ф. 1000, 1924, 171, л. 56.
- ¹³ - ГБЛ, ф. 425, картон 1.
- ¹⁴ - ГБЛ, ф. 425, картон 1.
- ¹⁵ - Воспоминания В. Курнатовской.
- ¹⁶ - ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 4, № 817, с. 42–43.
- ¹⁷ - ГПБ, ф. 1000, 1924, 171, л. 118–118 об.
- ¹⁸ - Неопубликованные письма к Е. А. Паренсковой (урожденной Брянчаниновой).
- ¹⁹ - Гос. ист. архив Ленинградской обл., ф. 1883, оп. 53, см. «Ведомость об училище и списки учащихся» за 1850 г. и первую половину 1851 г., л. 2.
- ²⁰ - ГПБ, ф. 1000, 1924, 171, л. 129.
- ²¹ - ГПБ, ф. 1000, 1924, 171, л. 142.
- ²² - ГПБ, ф. 1000, 1924, 171, л. 140 об.
- ²³ - Из воспоминаний архим. Леонида (Краснопевкова).

²⁴ - Этот труд был задуман архимандритом Игнатием с целью противопоставления книге Фомы Кемпийского «Подражание Христу», написанной в состоянии самообольщения. Труд этот напечатан не был, и обнаружить рукопись пока не удалось.

²⁵ - Неопубликованные письма Е. А. Паренсковой.

²⁶ - Неопубликованные письма Е. А. Паренсковой.

²⁷ - Неопубликованные письма Е. А. Паренсковой.

²⁸ - «Русская старина». Вып. 31, 1900.

²⁹ - ГБЛ, ф. 425, картон 1. Письма разных лиц к архимандриту Игнатию.

³⁰ - ГПБ, ф. 1000, 1924, 171, л. 153 об.

³¹ - ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 4, № 823, л. 78–79.

³² - Л. Соколов. «Епископ Игнатий Брянчанинов», с. 130.

³³ - «Письма Н. В. Гоголя». Ред. В. И. Шенрока. Т. 3, СПб., с. 453, 454.

³⁴ - ГБЛ, ф. 214, № 361, л. 316, 317 об.

³⁵ - Архимандрита Игнатия выдвигали и раньше на архиерейскую кафедру, но недоброжелатели отклоняли его кандидатуру. Так, обер-прокурор Протасов воспрепятствовал назначению его на Варшавскую кафедру, а митрополит Никанор в 1855 году отклонил просьбу Кавказского наместника Н. Н. Муравьева о назначении на Ставропольскую кафедру (ГПБ, ф. 1000, л. 119 и 161 об.).

³⁶ - ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 138, № 1472. Дело о рукоположении архимандрита Игнатия во епископа Кавказского и Черноморского.

³⁷ - Письма Московского Митрополита Филарета к архиепископу Тверскому Алексию. М., 1883, с. 238, 239.

³⁸ - ГПБ, ф. 1000, 1924, 171.

³⁹ - П. Караяни. «Заметки об освящении соборного храма в честь Иверской иконы Божией Матери в Ннколо-Бабаевском монастыре Костромской епархии». М., 1878, с. 2.

⁴⁰ - П. Караяни. «Заметки об освящении соборного храма в честь Иверской иконы Божией Матери в Ннколо-Бабаевском монастыре Костромской епархии». М., 1878, с. 2.

⁴¹ - Неопубликованные письма к Е. А. Паренсковой.

⁴² - Освящен храм был лишь в 1877 году.

⁴³ - Сохранилось более 800 писем епископа Игнатия.

⁴⁴ - «Московские ведомости», 1867, № 109. Некролог.

Содержание

игумен Марк (Лозинский) Святитель Игнатий (Брянчанинов) игумен Марк (Лозинский)	1
Примечания	13